

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-232-246

Этапы языковой политики в Монгольской Народной Республике

Карина Игоревна Бикмаева¹

¹ Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (д. 11, стр. 1, ул. Моховая, 125009 Москва, Российская Федерация) аспирант

 0000-0003-0958-7517. E-mail: karina.bikmaeva@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бикмаева К. И., 2022

Аннотация. *Введение.* Реформа монгольской письменности в XX в. легла в основу масштабных преобразований в сфере образования, науки и культуры Монголии. При этом следует учитывать, что языковая политика в Монгольской Народной Республике не сводилась исключительно к реформе 1941 г., в рамках которой был осуществлен переход на кириллицу. *Цели и задачи.* В данной статье предпринята попытка показать многообразие направлений языковой политики в Монголии. Мы выделяем четыре основных этапа ее реализации, а также сравниваем со схожими процессами в СССР. *Материалы и методы.* Статья основывается на изучении источников на русском и монгольском языках, прежде всего законов и постановлений СССР и Монголии, среди которых выделяется сборник № 2 «Революция и письменность» и «Систематический сборник постановлений и законов в области народного образования, культуры, искусства и науки» Монголии. *Результаты.* В статье показано, что языковая политика в МНР реализовывалась в строгой ориентации на аналогичные процессы в СССР. Во многом именно языковая политика явилась залогом успешности в борьбе с неграмотностью населения, модернизации монгольского общества, распространении современной советской и европейской культур. Вместе с тем нельзя не отметить, что определенные аспекты и последствия языковой политики, прежде всего усиленная «русификация», вызывали отторжение и критику в среде монгольской интеллигенции. *Выводы.* Впоследствии именно эта реакция привела к кардинальному пересмотру языковой политики в 1990-е гг., что свидетельствует о важности анализа политики МНР в этой сфере для понимания ситуации в современной Монголии.

Ключевые слова: языковая политика, Монголия, МНР, кириллизация, русификация, старописьменный монгольский язык, реформа монгольского языка, история Монголии, XX в.

Для цитирования: Бикмаева К. И. Этапы языковой политики в Монгольской Народной Республике // Монголоведение. 2022. Т. 14. №. 2. С. 232–246. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-232-246

Mongolian People's Republic: Stages of Language Policy Revisited

Karina I. Bikmaeva¹

¹ Institute for Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (11/1, Mokhovaya St., 125009 Moscow, Russian Federation)

Postgraduate Student

 0000-0003-0958-7517. E-mail: karina.bikmaeva@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Bikmaeva K. I., 2022

Abstract. *Introduction.* The 20th century reform of Mongolian writing shaped the basis for wide transformations in the country's culture, science, and education. It is noteworthy that the language policy in the Mongolian People's Republic was not only reduced to the Cyrillic reform of 1941. *Goals.* The article attempts a variety of insights into multiple directions of language policy in the Mongolian People's Republic. The work distinguishes four main stages of the latter's implementation, and also compares those to similar processes in the USSR. *Materials and methods.* The paper analyzes Russian and Mongolian language sources, primarily laws and regulations of the USSR and the Mongolian People's Republic, special attention be paid to works titled 'The Revolution and Writing' and 'Public Education, Culture, Arts, and Science [in the MPR]: Systematically Collected Decrees and Laws'. *Results.* It reveals the MPR's language policy was being implemented in strict compliance with similar processes in the Soviets. And it was largely the language policy that served a key to the successful abolition of illiteracy nationwide, modernization of Mongolian society, and spread of Soviet and European cultures. However, certain aspects and consequences of the language policy — primarily the intensified 'Russification' — would give rise to rejection and criticism among the Mongolian intelligentsia. *Conclusions.* Subsequently, this very reaction led to a dramatic rethink of the language policy in the 1990s, which attests to the significance of analyzing the MPR's policy in this realm for better understanding of the situation in contemporary Mongolia.

Keywords: language, language policy, Mongolia, Mongolian People's Republic, Mongolian script, Classical Mongolian, Cyrillic, Russification, Mongolian language reform, 20th century history of Mongolia

For citation: Bikmaeva K. I. Mongolian People's Republic: Stages of Language Policy Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(2): 232–246. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-232-246

Введение

Наравне с общей территорией, религией и культурой, язык является одним из определяющих элементов национальной идентичности. И именно поэтому при строительстве нового государства в числе первых реализуется языковая политика. Единой языковой политики в отношении национальностей придерживался и СССР [Исаев 1979: 230].

Когда мы говорим о языковой политике СССР, в первую очередь речь идет об использовании для ряда языков унифицированного алфавита на основе кириллицы, что способствовало установлению единой основы для большинства языков народов СССР. Русификация проводилась с целью консолидации всех этносов и поддержания стабильности в стране [Марусенко 2015: 143].

В то же время неоспоримы два результата советской языковой политики: борьба с безграмотностью и распространение русского в качестве первого языка для большей части советского населения [[Grenoble 2003: 193](#)].

Как отдельное направление исследований языковая политика начала выделяться сравнительно недавно — во второй половине XX в., что связано, на взгляд некоторых ученых, с процессами деколонизации [[McCarty 2011: 5](#)]. Языковая политика включает в себя достаточно большой спектр вопросов, среди которых и регулирование речевого поведения общества, и проведение различных реформ, нацеленных на изменения языковых структур в отдельных группах или в обществе в целом [[Алпатов 2013: 8](#)].

В данной статье раскрываются этапы языковой политики в Монгольской Народной Республике (далее — МНР). Мы рассматриваем особенности и причины проведения реформ в разные периоды на протяжении существования МНР.

Для понимания природы некоторых изменений, например использования алфавита на основе кириллицы и распространения русского языка, необходимо было сопоставить события, происходившие в Монголии, с языковой политикой в СССР. Несмотря на то, что языковая политика далеко не всегда выделяется в самостоятельное направление при исследовании истории и культуры, говоря о Монголии, все вопросы, касающиеся языка и письменности, традиционно являются актуальными и широко обсуждаемыми.

В монгольской истории начала XXI в. обозначилось несколько векторов развития монгольского языка, истоки которых — в XX в. К этим направлениям можно отнести использование большого числа иностранных заимствованных слов в монгольском языке, а также возрождение национальной монгольской письменности. Неразрывно с языком трансформируется и самосознание, национальная идентичность монголов. В статье отображен процесс формирования языковой ситуации в МНР, которая и является первопричиной современной языковой политики.

Материалы и методы

Источниковой базой для исследования послужили материалы Систематического сборника постановлений и законов в области народного образования, культуры, искусства и науки Монголии на монгольском языке [[Соёл-гэгээрлийн 1962](#)]. Также широко использовались статьи из книги V серии «Культура и письменность Востока» издания Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦК НА) на русском языке [[Барадин 1929](#)], материалы Коминтерна, среди которых «Запись бесед члена Президиума ЦИК СССР С. Е. Чуцкаева с председателем Совета министров МНР Ц. Жигжитжапом и военным министром Г. Димитом¹ о политическом и экономическом положении МНР и работе советских советников и инструкторов в Монголии» [[Запись бесед 2012](#)] и доклад М. И. Амагаева о политическом и экономическом положении МНР и угрозе «правого уклона» в руководстве партии и государства [[Амагаев 2012](#)].

Содержание данных источников позволяет исследователю проследить ход развития языковой политики в СССР и МНР, выделить основные причины реформ, а также обстоятельства, при которых они были приняты.

¹ Гэлэгдоржийн Дэвид (1990–1937) — монгольский военный деятель, маршал МНР. С 1930 г. — военный министр, член Президиума Центрального комитета Монгольской народно-революционной партии.

Языковая политика в МНР

В 1924 г. была официально образована Монгольская Народная Республика, которая на протяжении всего своего существования во многом опиралась на советский опыт. На момент образования МНР малочисленное население страны было практически неграмотно — существовавшая монгольская письменность преподавалась преимущественно в монастырских центрах, а светское образование было представлено несколькими школами в столице [[Санжаасурэн, Жерносек 1981: 13](#)]. Согласно данным статистики, уровень образованности взрослого населения был крайне низким и в 1921 г. составлял 3 %, а в 1930 г. — 5 %, причем доля мужского населения преобладала [[Kaplonski 2014: 74](#)]. Ввиду сложившейся в Монголии ситуации для повышения уровня грамотности населения и дальнейшего всестороннего развития требовалось проведение реформы языка или, другими словами, упрощение монгольской письменности и введение нового алфавита.

Хотелось бы кратко остановиться на монгольской письменности, которая использовалась в качестве основного письма в 1920-е гг. в Монголии, а также на трудностях, связанных с ее дальнейшим употреблением. Орфография монгольской национальной письменности отражала устаревшие фонетические нормы XIII в. Письменный монгольский язык, а точнее монгольское письмо, фонетически не соответствовал разговорному. Известный лингвист и этнограф, специалист по алтайским языкам, монголоведению и тюркологии Н. Н. Поппе писал: «В то время как орфография письменно-монгольского языка изменилась сравнительно мало, фонетические изменения, происшедшие за эти семьсот лет в разговорных языках, весьма значительны» [[Поппе 1937: 9](#)].

Важнейшими этапами в становлении письменного языка монгольских народов было формирование отдельных алфавитов, в числе которых ойратское ясное письмо, созданное Зая-пандитой Намкай Джамцо, письменность соёмбо Ундур-гэгэна Дзанабадзара и вагиндра, автором которой был бурят Агван Доржиев. Все указанные системы письма были направлены на решение проблемы расхождения письменной и устной речи и передачи звуков других языков, например тибетского, однако, поскольку и алфавиты, и грамматические правила были разные, проблему это не решило [[Отгонбаатар, Цендина 2014: 8](#)].

При образовании нового государства проявились определенные сложности в преподавании и усвоении вертикальной письменности, разработки новой научной терминологии и подготовки идеологической литературы на монгольском письме, что затрудняло развитие образования и науки, тормозило расширение международных контактов. Как следствие, встала необходимость создания более современного и простого алфавита, что стало основой языковой политики МНР. С конца 1920-х гг. в МНР началась разработка реформы языка и перехода на другой алфавит, с помощью которого можно было бы устранить противоречия между письменной и устной речью. Помимо практической выгоды, важную роль играл тот факт, что внедрение кардинально отличного алфавита увеличивало дистанцию между прошлым и настоящим и, таким образом, окончательно разрывало связь государства и народа с теократическим прошлым и, конечно, повышало возможности в укреплении взаимовыгодных связей с СССР.

Из доклада востоковеда, политолога, первого Председателя ЦИК Бурят-Монгольской АССР М. И. Амагаева о политическом и экономическом положении МНР и угрозе «правого уклона» в руководстве партии и государства следует: «Мы видим, как за последнее время Монголия выросла культурно. Между тем Монголия в прошлом не имела своей полноценной национальной культуры. Три процента грамотных — это же говорит о многом. Между тем республика растет, чувствуются идеологические и иные запросы. До сих пор эти запросы кое-как удовлетворяются, но культурные запросы растут, чувствуется потребность усвоения элементов общей культуры, которая требует знания какого-нибудь другого языка, ибо возможности монгольского языка очень ограничены» [Амагаев 2012: 281].

С начального периода своего существования МНР во многих аспектах реализовывала внешнюю и внутреннюю политику при содействии СССР и Коминтерна. Если говорить о советско-монгольских отношениях, то они стали наиболее тесными после «Соглашения об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР» от 27 июня 1929 г. [История Востока 1995: 25]. Соглашение устанавливало, что Советский Союз способствует экономическому и социальному развитию Монголии. Разумеется, Монголия была заинтересована в получаемой от Советского Союза поддержке. Многие области промышленности, как и сферы здравоохранения и образования, создавались с нуля при помощи советских специалистов, и, конечно, они нуждались в финансовой и материальной помощи [История Монголии 2007: 246]. В такой ситуации преобразования в языковой политике стали необходимой мерой, направленной на улучшение взаимодействия между специалистами двух стран.

В период существования МНР языковую политику можно разделить на несколько этапов, речь о которых пойдет далее.

I этап (1931–1941 гг.)

Прежде чем рассмотреть языковую политику в Монголии, мы бы хотели кратко взглянуть на схожие процессы в Советском Союзе.

В 1920-е гг. в рамках политики «коренизации» в СССР началась разработка алфавитов для бесписьменных языков, а также алфавитов для северных и центральноазиатских народов на основе латиницы. Причиной первоначального перехода на латиницу является то, что латинский алфавит воспринимался как своего рода интернациональный, вследствие чего предполагался переход на новую систему письменностей и славянских, и тюркских, и монгольских народов. Более того, среди мусульманских народов СССР латинизация выполняла ряд дополнительных задач: заменялась письменность на арабской основе, которая присутствовала, главным образом, в религиозных текстах, новая же письменность выполняла функцию распространения социалистической идеологии, способствовала сближению с другими народами СССР [Юзбашев 1928: 65].

Аналогичный проект перехода на латиницу коснулся и монгольских народов, проживающих на территории СССР [Исаев 1979: 212].

В Постановлении президиума ЦИК СССР по докладу ВЦК НА при Совете национальностей ЦИК СССР на основании доклада о работе в области латинизации народов, перешедших на новый алфавит, были сделаны следующие выводы:

1. Новый алфавит является одним из серьезных факторов, содействующих более быстрому подъему культурного строительства <...> — ликвидации неграмотности, введению всеобща, развитию печати и издательства, введению делопроизводства на родном языке, созданию национальной стенографии и пишущих машин на новом алфавите и т. п.

2. <...> проведена значительная работа по развитию литературных языков, созданию терминологии, орфографии, составлению грамматик и словарей, а также развитию полиграфии на новом алфавите [Поппе 1936: 3].

Однако со временем латинская графика перестала отвечать требованиям и интересам советского руководства и политике «ускоренного сближения и слияния народов». В 1933 г. заведующий Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) А. И. Стецкий поставил перед И. В. Сталиным и Л. М. Кагановичем вопрос о работе Комитета нового алфавита. Наряду с достижениями, были отмечены и недостатки, к которым были отнесены, в частности, составление большого количества алфавитов у разных народов и сложности в передаче собственных имен. Для решения данного вопроса в 1937 г. было принято решение о переводе языков народов СССР на кириллицу [Марусенко 2015: 140].

Теперь обратимся к осуществлению языковой политики в МНР. 10–17 января 1931 г. в Москве состоялась конференция монгольской группы народов по вопросам письменности и языка, созванная по инициативе ВЦК НА и Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАПИНК) [Хроника: конференция 1931: 67]. В конференции принимали участие представители Бурят-Монгольской АССР, Калмыцкой автономной области, Монгольской Народной Республики, Совета национальностей СССР и других организаций, а также академик Б. Я. Владимирцов и профессор Н. Н. Поппе. По итогам конференции был утвержден унифицированный алфавит монгольской группы народов в составе 27 знаков с добавлением трех букв для звуков калмыцкого языка. Литературный же язык планировалось развивать в двух направлениях: «для Бурят-Монгольской АССР и зарубежной Монголии (на базе халха-монгольского)», второй язык — «для калмыков (на базе торгутского наречия)» [Хроника: конференция 1931: 67]. Кроме того, было принято постановление об организации в Москве постоянной комиссии содействия развитию языков и письменности монгольской группы народов [Хроника: конференция 1931: 67].

Первая попытка латинизации в МНР была предпринята в 1930–1932 гг. Однако она не была достаточно успешной и выражалась лишь в использовании печатей с латинским шрифтом, переводе названий книг, а также публикации отдельных статей в газетах [Grivelet 2001: 76].

Согласно резолюции по докладам Б.-Д. Тогмитова и Хаджиева¹ и информационному сообщению Дугарджаба об издательстве на новом языке, конференция монгольской группы народов по вопросам письменности и языка констатировала, что «дело создания базы для развертывания работы в области издательства в республиках монгольской группы народов идет очень медленно. Полиграфическая база для издательства на новом алфавите в этих республиках не создана» [Хроника: конференция 1931: 76].

¹ Инициалы не известны.

Окончательный переход монгольского языка на латинский алфавит ожидался к 1933 г. Однако из-за неподготовленности монгольской системы образования и науки процесс перехода на латиницу оттягивался. По результатам конференции планировалось:

1. В порядке культурной помощи дружественной МНР организовать при Центриздате народов СССР монгольскую секцию для подготовки издания важнейших учебников и учебных пособий на новом алфавите и обеспечить издательство МНР соответствующими шифрами, а также оказать помощь в деле подготовки кадров полиграфистов [Хроника: конференция 1931: 76].

Переход на латинский алфавит служит очевидным примером следования языковой политике Советского Союза. Однако латиница в МНР просуществовала крайне недолго, и уже в начале 1940-х гг. появились первые проекты перехода на кириллицу.

II этап (1941–1950-е гг.)

Латинский алфавит был официально принят в МНР в конце февраля 1941 г., а уже 25 марта было объявлено о разработке проекта реформы кириллического алфавита. Латинский алфавит в качестве основной письменной системы МНР просуществовал всего месяц. Это подтверждает постановление Совета министров МНР и Центрального комитета Монгольской народно-революционной партии об установлении новых монгольских букв от 25.03.1941 № 22/18: «Считаем, что необходимо провести мероприятия по изменению/реформированию монгольской письменности на основе русских букв. Одновременно с этим необходимо приостановить работу по изучению букв латинского алфавита, направить во все культурные центры, кружки и красные углы план изучения одобренных новых монгольских букв» [Соёл-гэгээрлийн 1962: 32].

25 марта 1941 г. Совет Министров и ЦК МНРП приняли постановление №22/18 «О введении нового монгольского алфавита»:

1. Реформировать монгольскую письменность на основе русского алфавита.
2. Остановить переход на латинскую письменность [Ардын боловсрол 1968: 24].

К концу 1920-х гг. в СССР идея мировой революции отошла на второй план, уступив теории построения социализма в отдельно взятой стране. Как уже говорилось выше, в языковой политике это отразилось прекращением политики латинизации и разработкой алфавитов на основе кириллицы [Трегубова 2017: 190]. Чуть позже такую политику начали проводить и в МНР.

Основные причины кириллизации были скорее политическими. Алфавит на основе кириллицы еще больше укреплял отношения СССР и МНР. Поскольку в СССР уже осуществлялся переход на кириллицу, например переводили азербайджанский и другие тюркские языки, во многом именно с технической точки зрения провести аналогичную реформу в Монголии было проще. Кроме того, большим подспорьем стал опыт Бурят-Монгольской АССР, где переход на кириллицу состоялся в 1939 г. В пользу кириллицы говорило и то, что подготовка большинства специалистов велась в СССР: «Правительство Союза имеет в виду организовать обучение монгольской молодежи в СССР на следующих основаниях. Обучение монголов должно быть разделено на две стадии — первоначальное и специальное образование. Первоначальное образование должно проводиться на монгольских рабфаках, подобных существующим в Верхнеудинске. Таких

рабфаков предполагается открыть три: в Верхнеудинске, Иркутске и Томске. <...> На рабфаках монгольская молодежь будет обучаться русскому языку, политграмоте и предметам начального обучения» [[Запись бесед 2012: 112](#)].

Однако из-за Второй мировой войны реализация постановления № 22/18 «О введении нового монгольского алфавита» была отложена. А в 1945 г. для проведения реформы письменности была создана Государственная комиссия во главе с 1-м Генеральным секретарем ЦК МНРП Ю. Цеденбалом. 18 мая 1945 г. было принято постановление ЦК МНРП и Совета министров МНР «О переводе всей печати и государственного делопроизводства на новый алфавит»:

1. С первого января 1946 года вся пресса и делопроизводство должны вестись на кириллице.

2. Министерство народного просвещения должно проследить за тем, чтобы в следующем учебном году на занятиях в средних школах и техникумах был использован новый алфавит [[Ардын боловсрол 1968: 30](#)].

Перевод на кириллицу и создание единой системы были важнейшими чертами культурной политики СССР, которая постепенно распространялась и на дружественные Советскому Союзу государства [[Gaur 2000: 112](#)].

Поэтому письменность, изначально созданная для одного языка, впоследствии была перенесена и на другие языки, несмотря на то, что в отношении некоторых языков, в том числе и монгольского, данная политика была спорной. Это подтверждается и словами автора реформы письменности в МНР — Ц. Дамдинсурэна, которые цитирует Леонид Шинкарев: «Многие буквы чужого языка звукам нашей речи не подходили или были не нужны, а два звука монгольской речи, наоборот, требовали букв, которых в кириллице не было» (цит. по: [[Шинкарев 2004: 75](#)]).

III этап (1950-е гг. – 1985 г.)

Третий этап языковой политики МНР отличается своей продолжительностью. Начиная с 1950-х гг., в Монголии широко разворачивались культурные кампании, одной из целей которых были ликвидация безграмотности и обучение кочевого населения новой письменности. В то же время в стране увеличивалось присутствие советских граждан, что вело к росту числа русскоговорящего населения, изучению русского языка в школах наравне с монгольским и обучению монгольских граждан в СССР. Всего к 1990 г. советское высшее образование получили более 15 000 граждан Монголии [[Михалев 2013: 178](#)].

После вступления в силу постановления о переходе на другой алфавит начался достаточно длительный период распространения новой письменности по всем регионам страны, в том числе и среди этнических меньшинств. Большую поддержку в данной работе оказали специалисты из Советского Союза. Именно с 1950-х гг. начинают усиливаться научно-образовательные контакты, многие специалисты направляются на работу в МНР. Таким образом, в тот период политика «кириллизации»¹ монгольского языка сменяется стихийной «русификацией» общества² [[Marzluf 2018: 156](#)].

¹ Кириллизация — процесс перевода письменностей народов СССР, Монголии и Тувинской Народной Республики с латинской на кириллическую графику в 1930–1940-е гг.

² Русификация — комплекс мер, осуществляемых официальными властями, направленных на обрусение жителей какой-либо территории.

При этом важно отметить, что «русификация» не была основной целью языковой политики в тот период. Скорее, это стало следствием сближения с Советским Союзом и увеличения русскоязычного «контингента» в МНР. С одной стороны, реформы, проводившиеся в МНР, и русификация способствовали культурному и экономическому подъему страны. Однако, с другой стороны, это же и наносило ущерб национальному самосознанию монголов, поскольку идеологически МНР следовала вектору СССР, не делая поправки на национальные особенности. В дальнейшем это привело к образованию оппозиционно настроенной прослойки общества, которая, выйдя в конце 1980-х гг. на политическую сцену, стала успешно призывать к изменениям в стране [*История Монголии 2007: 246*].

Как уже упоминалось выше, языковая политика МНР во многом находилась в векторе языковой политики СССР. Так, например, увеличение присутствия и распространения русского языка в Монголии приходится на 1960-е гг., на фоне аналогичных событий в национальных республиках СССР. В частности, в Советском Союзе в ходе реформы образования 1958–1959 гг. русский язык стал обязательным предметом в школе во всех регионах.

Отражением этой политики в МНР стало Постановление № 171 Совета министров об организации русскоязычных классов от 19.05.1965: «Министерство просвещения разрешает, начиная с 1965–66 учебного года, организовать 1 класс с обучением на русском языке во 2-й школе Улан-Батора; каждые 4 года набирать подобный класс с числом учащихся до 30» [*Ардын боловсрол 1968: 21*].

Согласно Постановлению Совета министров МНР об открытии курсов русского языка № 207 от 22.04.1964, при Университете были организованы двухгодичные вечерние курсы русского языка, которые создавались преимущественно для преподавательского состава вузов, и, соответственно их целью было увеличение уровня знания русского языка преподавателей [*Ардын боловсрол 1968: 28*].

С каждым годом присутствие Советского Союза в жизни монголов увеличивалось. В 1980-х гг. на территории Монголии, помимо размещенных военных гарнизонов, в разных сферах работало большое количество советских граждан [*Kapišovska 2006: 92–93*].

Несомненно, такая тесная связь оказывала большое влияние и на культурное развитие страны. Русский язык изучался в школе, начиная с четвертого класса, часто его преподавали советские учителя. Знание русского языка было необходимо для поступления в высшее учебное заведение, поскольку большая часть специализированной литературы была на русском языке. Развитие современной культуры и складывание новой, городской, в том числе и под влиянием русского языка, привело к ослаблению позиций традиционной монгольской культуры, что поступательно вело к росту недовольства в обществе. Монгольская интеллигенция, учившаяся по большей части в Советском Союзе, при возвращении на родину жаждала общенациональной идеи, вокруг которой хотела и готова была сплотиться [*Шинкарев 2004: 375*].

На фоне призывов во всем следовать идеалам советского народа в рядах монгольской интеллигенции становились популярными демократические идеи и нацеленность на международное сотрудничество [*История Монголии 2007:*

318]. Последствия таких настроений стали отчетливо видны в годы перестройки и далее, в 1990-е гг., это проявлялось, в том числе и в сокращении использования русского языка.

В социалистический период монгольская национальная письменность официально не была запрещена, хотя широко не применялась и практически не изучалась. Элементы монгольского письма сохранялись на печатях и банкнотах. Официально же монгольская письменность практически нигде не преподавалась, кроме отдельных курсов в высших учебных заведениях по направлению подготовки филологов. Поскольку в результате проведения реформы появилась новая письменность, существовавшая ранее получила название «старописьменный монгольский», которая до сих пор сохраняется как термин в отечественном монголоведении.

Таким образом, в период 1950–1985 гг. в сфере языковой политики основные изменения происходили на уровне восприятия языка и его роли в обществе. Сложившееся на фоне тесных связей с СССР заметное присутствие русского языка оказало сильное влияние на общество, ослабив позиции монгольского языка, и стало причиной изменений, которые будут предприняты в данной сфере в 1990-е гг.

IV этап (1985–1992 гг.)

С середины 1980-х гг. языковая политика стала постепенно разворачиваться в сторону восстановления монгольской национальной письменности. Для перестройки была характерна тенденция к росту интереса в отношении национальной истории и традиций монголов. Тогда же появились проекты изучения монгольского письма в 7-м и 8-м классах средних образовательных школ. Такой интерес объяснялся исторической важностью письменности и ключом к пониманию традиций Монголии [Grivelet 2001: 77–78].

В 1989 г. был создан комитет «Монгольская письменность» («Монгол бичиг хороолол») — неправительственная организация, выступающая за поддержку и распространение монгольской письменности. В школе № 1 в Улан-Баторе в 1989–1990 учебном году был проведен эксперимент: ученики первого класса начали обучаться на монгольской письменности, а кириллица вводилась только с 3-го класса [Grivelet 2001: 78].

Основным же толчком к возрождению монгольской письменности стало демократическое движение. В 1985 г. был издан приказ № 151 Министерства народного образования МНР «Об утверждении редактора, авторов инструкций и учебников» [Дэмбэрэл 2021: 111]. В том же году вышли приказы министра народного образования (№ 302 от 4 декабря и № 332 от 30 декабря) о подборе учителей для преподавания национальной монгольской письменности в школе. Это были первые мероприятия в системе образования МНР после возрождения монгольской письменности [Дэмбэрэл 2021: 111]. В планах было и введение с 1 сентября 1991 г. занятий по монгольской письменности с первого класса и использование ее в печати всех государственных учреждений, почты [Дэмбэрэл 2021: 111].

В 1991 г. Малый хурал МНР издал постановление № 36 «О ведении с 1994 года официальных правительственных дел на монгольской письменности в Монгольской Народной Республике и обеспечении подготовки перехода на

нее» [УИХ тогтоол 1994]. В постановлении предусматривались организация подготовительной работы, создание государственной комиссии и назначение ответственных за исполнение. Также в планах было введение с 1 сентября 1991 г. занятий в первом классе по монгольской письменности и использование ее в печати всех государственных учреждений, почты. В последующем, в 1992 и 1994 гг., принимались постановления о подготовке к повсеместному переходу на монгольскую письменность [УИХ тогтоол 1994].

Начало 1990-х гг. положило конец контролю над языковым планированием и языковой политикой Монголии со стороны Советского Союза. Это было связано также и с тем, что в самом Союзе направление языковой политики сильно изменилось. Языковая политика стала гораздо свободнее. В республиках все чаще появлялись разговоры о массовом употреблении национальных языков [Марусенко 2015: 146]. Чтобы подчеркнуть свою независимость от предыдущей советской языковой политики, союзные республики стали проводить самостоятельную языковую политику [Дьячков, Абрамова 2010: 55–59].

На волне социально-политических и экономических изменений, происходивших в 1990-е гг., Монголия стала привлекательна для иностранцев, следствием чего стал «бум» изучения иностранных языков, таких как японский, английский, китайский.

Заключение

Важным фактором духовной культуры любого этноса, определяющим уровень его национального самосознания, является язык. Языковая политика составляет часть национально-государственного строительства, в рамках которого проводились провозглашенные новой властью преобразования.

Возможно, в период МНР языковую политику можно свести к кириллизации и ставшей ее следствием русификации. Основной задачей распространения кириллицы, как и в 1930–1940-е гг. в Советском Союзе, была борьба с неграмотностью. К русификации же относится период после 1950-х гг., характерными чертами которого становится увеличение присутствия советских граждан в Монголии, приобретение русским языком фактически статуса второго государственного, проникновение элементов советской культуры в общественную жизнь.

Необходимо учитывать, что лидеры Советского Союза считали, что этническая неоднородность не только внутри СССР, но и на территории стран-союзников может грозить политической нестабильностью [Марусенко 2015: 140–144]. В связи с этим язык стал главным фактором развития политической сознательности и инструментом государственного строительства. Необходимо понимать, что распространение русского языка позволяло усилить контроль над республиками и помогало интегрироваться в советскую культуру.

Языковая политика — необходимое условие для создания нового государства. И в МНР она проводилась под сильным влиянием СССР. С одной стороны, переход на кириллицу означал окончательное признание зависимости от Советского Союза. Но, с другой стороны, это был наиболее приемлемый для ослабленной на тот период Монголии вариант политического, экономического и культурного выживания. Для успешного развития и укрепления молодого независимого государства нужны были грамотные образованные люди. Ока-

залось, что добиться необходимого результата проще, создавая алфавит и письменность с нуля. Кроме того, это давало определенную надежность и гарантию поддержки и защиты со стороны СССР. В случае же реформирования исключительно монгольского письма процесс повышения уровня грамотности и развития системы образования мог сильно затянуться, что повело бы за собой политическую нестабильность и вероятность внешней угрозы.

Как мы видим, за прошедшие 80 лет кириллица прочно закрепилась в качестве основной письменности монгольского языка, несмотря на рост популярности традиционной монгольской национальной письменности и увеличивающееся число проектов по ее использованию. На данный момент монголами признается, что кириллица является наиболее удобным алфавитом для использования в современных реалиях, монгольская национальная письменность при этом остается уникальной чертой культуры монголов и национальным символом страны.

Кроме того, необходимо упомянуть, что, согласно «Национальной программе монгольской письменности – III» [Монгол бичгийн 2021], утвержденной 18 марта 2020 г., с 2025 года планируется параллельное официальное использование двух письменностей: монгольской национальной письменности и монгольской кириллицы. Таким образом, монгольская национальная письменность вновь становится широко употребляемой в Монголии.

Литература

- Алпатов 2013 — Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5 (17). С. 8–28.
- Амагаев 2012 — Амагаев М. И. Доклад о политическом и экономическом положении МНР и угрозе «правого уклона» в руководстве партии и государства. Из стенограммы заседания Восточного лендерсекретариата ИККИ, 1927 // Монголия в документах Коминтерна: в 2 т. Т. 1: 1919–1929 / отв. сост. И. И. Кудрявцев. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 277–284.
- Ардын боловсрол 1968 — Ардын боловсрол, соёл-урлаг, шинжлэх ухааны талаарх их ууль тогтоомжийн системчилсэн эмхэтгэл (1964–1967 он) (= Систематический сборник постановлений и законов в области народного образования, культуры, искусства и науки (1964–1967)). III боть. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэгэрхлэх хороо, 1968. 193 х.
- Барадин 1929 — Барадин Б. Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры // Культура и письменность Востока. Кн. V. Баку: Изд. ВЦК НА при Президиуме ЦИК СССР, 1929. С. 3–27.
- Дьячков, Абрамова 2010 — Дьячков М. В., Абрамова Е. И. Об истории языковой политики в России: (часть 2) // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2010. № 2 (6). С. 53–60.
- Дэмбэрэл 2021 — Дэмбэрэл К. Государственная политика Монголии по отношению к монгольской письменности // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 108–119. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-108-119
- Запись бесед 2012 — Запись бесед члена Президиума ЦИК СССР С. Е. Чучкаева с председателем СМ МНР Ц. Жигжитжапом и военным министром Г. Димитом о политическом и экономическом положении МНР и работе советских советников и инструкторов в Монголии, Иркутск, 1931 // Монголия в документах Коминтерна: в 2 т. Т. 2: 1930–1934 / отв. сост. И. И. Кудрявцев. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 111–120.

- Исаев 1979 — *Исаев М. И.* Языковое строительство в СССР. М.: Наука, 1979. 352 с.
- История Востока 1995 — История Востока: в 6 т. Т. 5: Восток в новейшее время: в 1914–1945 гг. / отв. ред. Р. Г. Ланда. М.: Вост. лит., 1995. 717 с.
- История Монголии 2007 — История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 448 с.
- Марусенко 2015 — *Марусенко М. А.* Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. М.: Научно-политическая книга, 2015. 575 с.
- Михалев 2013 — *Михалев А. В.* Монголия в большой игре XXI века: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы. Улан-Удэ: БГУ, 2013. 251 с.
- Монгол бичгийн 2021 — Монгол бичгийн үндэсний хөтөлбөр – III (= Национальная программа монгольской письменности – III) [электронный ресурс] // Официальный сайт: Улсын бүртгэлийн ерөнхий газар (= Государственное регистрационное управление). 14.06.2021. URL: <https://burtgel.gov.mn/post/58123> (дата обращения: 06.02.2022).
- Отгонбаатар, Цендина 2014 — *Отгонбаатар Р., Цендина А. Д.* Образцы письменной традиции Северной Монголии. М.: Наука, Вост. лит., 2014. 237 с.
- Поппе 1936 — *Поппе Н. Н.* Вопросы словообразования бурятмонгольского языка // Революция и письменность. Сборник № 2 / ред. Д. Кормасов. М.; Л.: Изд. ВЦК НА, 1936. С. 77–80.
- Поппе 1937 — *Поппе Н. Н.* Грамматика письменно-монгольского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 198 с.
- Санжаасурэн, Жерносек 1981 — *Санжаасурэн Р., Жерносек И.* Очерки истории общеобразовательной школы Монгольской Народной Республики. М.: Педагогика, 1981. 127 с.
- Соёл-гэгээрлийн 1962 — Соёл-гэгээрлийн байгууллагуудын ажлын талаар холбогдолтой зарлиг, тогтоол, заавруудын системчилсэн эмхтгэл (1940–1961) (= Систематический сборник указов, постановлений, инструкций для организаций культуры и просвещения (1940–1961). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэгсэл хороо, 1962. 282 х.
- Трегубова 2017 — *Трегубова Д. Д.* «Языковое строительство» в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е годы // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2017. № 1–2. С. 185–198.
- УИХ тогтоол 1994 — Улсын Их хурлын тогтоол (= Постановление Великого государственного хурала) // Официальный сайт: Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем (= Единая информационно-правовая система). URL: <https://old.legalinfo.mn/law/details/6767> (дата обращения: 07.02.2022).
- Хроника: конференция 1931 — Хроника: конференция монгольской группы народов по вопросам письменности и языка // Культура и письменность Востока. 1931. Кн. IX. М.: Изд. ВЦК НА при Президиуме ЦИК СССР. С. 66–77.
- Шинкарев 2004 — *Шинкарев Л. И.* Цеденбал и Филатова: Любовь. Власть. Трагедия. М.; Иркутск: Издатель Сапронов, 2004. 528 с.
- Юзбашев 1928 — *Юзбашев Н.* Арабский и Ново-Тюркский алфавит // Культура и письменность Востока. Кн. I. М.: Изд. ВЦКНТА, 1928. С. 65–80.
- Gaur 2000 — *Gaur A.* Literacy and the Politics of Writing. Portland: Intellect Books, 2000. 188 p.
- Grenoble 2003 — *Grenoble L.* Language policy in the Soviet Union. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003. 236 p.
- Grivelet 2001 — *Grivelet S.* Digraphia in Mongolia // International Journal of the Sociology of Language. 2001. № 150. Pp. 76–77.
- Kapišovska 2006 — *Kapišovska V.* Language Planning in Mongolia II // Mongolica Pragensia № 6. Edited by Jaroslav Vacek and Alena Oberfalzetová. Prague: Nakladatelství TRITON, 2006. Pp. 89–114.

- Kaplonski 2014 — *Kaplonski C.* The Lama Question: Violence, Sovereignty, and Exception in Early Socialist Mongolia. Honolulu: University of Hawaii Press, 2014. 280 p.
- Marzluf 2018 — Language, Literacy, and Social Change in Mongolia: Traditionalist, Socialist, and Post-Socialist Identities. By Ph. P. Marzluf. Lanham, Md.: Lexington Books, 2018. 223 p.
- McCarty 2011 — *McCarty T.* Ethnography and Language Policy. New York: Routledge, 2011. 328 p.

References

- Alpatov V. M. Language policy in modern world. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*. 2013. No. 5 (17). Pp. 8–28. (In Russ.)
- Amagaev M. I. Report on the Political and Economic Situation in the MPR, and the Threat of ‘Right-Wing Deviations’ among Party and Government Executives: Meeting Minutes (Highlights) of the Eastern Secretariat of the ECCI, 1927. In: Kudryavtsev I. I. (comp.) Mongolia in Documents of the Comintern. In 2 vols. Vol. 1: 1919–1929. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. Pp. 277–284. (In Russ.)
- Baradin B. Enhancing Buryat Mongol language culture. In: Culture and Writing of the East. Vol. V. Baku: All-Union Central Committee for New Alphabets, 1929. Pp. 3–27. (In Russ.)
- Chutskaev S. Collected conversations with Ts. Jigjidjav and G. Dimid on the political and economic situation in the MPR, and efforts of Soviet advisers and instructors in Mongolia. Irkutsk, 1931. In: Kudryavtsev I. I. (comp.) Mongolia in Documents of the Comintern. In 2 vols. Vol. 2: 1930–1934. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. Pp. 111–120. (In Russ.)
- Conference of Mongolic Peoples to Discuss Issues of Writing Systems and Language. Chronicles. In: Culture and Writing of the East. Vol. IX. Moscow: All-Union Central Committee for New Alphabets, 1931. Pp. 66–77. (In Russ.)
- Decree of the State Great Khural. 1994 On: Unified Law Assistance System [of Mongolia] (official website). Available at: <https://old.legalinfo.mn/law/details/6767> (accessed: February 7, 2022). (In Mong.)
- Demberel K. Classical Mongolian script: State policy revisited. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 1. Pp. 108–119. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-108-119
- Dyachkov M. V., Abramova E. I. History of Russia’s language policy revisited: Part 2. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2010. No. 2 (6). Pp. 53–60. (In Russ.)
- Gaur A. Literacy and the Politics of Writing. Portland: Intellect Books, 2000. 188 p. (In Eng.)
- Grenoble L. Language Policy in the Soviet Union. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003. 236 p. (In Eng.)
- Grivelet S. Digraphia in Mongolia. *International Journal of the Sociology of Language*. 2001. No. 150. Pp. 76–77. (In Eng.)
- Isaev M. I. The Soviet Language Construction Campaign. Moscow: Nauka, 1979. 352 p. (In Russ.)
- Kapišovska V. Language planning in Mongolia II. In: Vacek J., Oberfalzetová A. (eds.) *Mongolica Pragensia*. Vol. 6. Prague: Nakladatelství TRITON, 2006. Pp. 89–114. (In Eng.)
- Kaplonski C. The Lama Question: Violence, Sovereignty, and Exception in Early Socialist Mongolia. Honolulu: University of Hawaii Press, 2014. 280 p. (In Eng.)
- Landa R. G. (ed.) History of the East. In 6 vols. Vol. 5: The East and Contemporary Era, 1914–1945. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995. 717 p. (In Russ.)
- Marusenko M. A. Languages and National Identity: Contemporary Challenges to Nationhood and Territorial Integrity. Moscow: Nauchno-Politicheskaya Kniga, 2015. 575 p. (In Russ.)

- Marzluf Ph. P. Language, Literacy, and Social Change in Mongolia: Traditionalist, Socialist, and Post-Socialist Identities. Lanham, Md.: Lexington Books, 2018. 223 p. (In Eng.)
- McCarty T. Ethnography and Language Policy. New York: Routledge, 2011. 328 p. (In Eng.)
- Mikhalev A. V. Mongolia in the 21st Century Great Game: Struggling for Influence and Informal Institutions of Soft Power. Ulan-Ude: Buryat State University, 2013. 251 p. (In Russ.)
- Otgonbaatar R., Tsendina A. D. Examples of the Written Tradition from Northern Mongolia. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2014. 237 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. Grammar of Written Mongolian. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1937. 198 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. Issues of Buryat word formation revisited. In: Kormasov D. (ed.) The Revolution and Writing. Collected papers. Vol. 2. Moscow; Leningrad: All-Union Central Committee for New Alphabets, 1936. Pp. 77–80. (In Russ.)
- Public Education, Culture, Arts, and Science [in the MPR]: Systematically Collected Decrees and Laws. Vol. 3: 1964–1967. Ulaanbaatar: MPR Council of Ministers (Legislative Committee), 1968. 193 p. (In Mong.)
- Sanjaasuren R., Zhernosek I. Public School System of the Mongolian People's Republic: Historical Essays. Moscow: Pedagogika, 1981. 127 p. (In Russ.)
- Shinkarev L. I. Tsendenbal and Filatova: Love, Power, Tragedy. Moscow; Irkutsk: Sapronov, 2004. 528 p. (In Russ.)
- Systematically Collected Edicts, Decrees, and Regulations for Cultural and Educational Institutions [of the MPR], 1940–1961. Ulaanbaatar: MPR Council of Ministers (Legislative Committee), 1962. 282 p. (In Mong.)
- The National Program of Mongolian Script – III. On: State Registration Department [of Mongolia] (official website). Posted on June 14, 2021. Available at: <https://burtgel.gov.mn/post/58123> (accessed: February 6, 2022). (In Mong.)
- Tregubova D. D. «Language construction» in the 1920-1930s in the Buryat-Mongolian ASSR. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2017. No. 1–2. Pp. 185–198. (In Russ.)
- Yaskina G. S. (ed.) A History of 20th Century Mongolia. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)
- Yuzbashev N. Arabic script and new Turkic alphabet. In: Culture and Writing of the East. Vol. I. Moscow: All-Union Central Committee for New Turkic Alphabet, 1928. Pp. 65–80. (In Russ.)